

МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА И ПРОБЛЕМА РЕЭВАКУАЦИИ: МАССОВОЕ БЕГСТВО И ВОЛНЕНИЯ ЭВАКУИРОВАННЫХ РАБОЧИХ В СИБИРИ И НА УРАЛЕ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1945–1946)

В статье исследуется проблема возвращения в родные города эвакуированных рабочих, находившихся в Сибири и на Урале в годы Великой Отечественной войны. Рабочие настойчиво требовали реэвакуации, обращаясь во властные инстанции. Советское руководство стремилось оставить ряд оборонных заводов на востоке страны и пыталось закрепить здесь рабочих административными средствами. Кроме того, отъезд большого количества рабочих мог создать проблемы для оборонной промышленности и одновременно осложнить социально-экономическую ситуацию в западных районах страны, в частности, в Ленинграде. В условиях отсутствия законных оснований выезда в родные места многие из рабочих решались на бегство и даже кратковременные забастовочные акции. Тем более, что их бытовые условия были очень тяжелыми.

Ключевые слова: *мобилизационная экономика, военная экономика, тыл, эвакуированный рабочий, реэвакуация, «дезертирство», Сибирь, Урал, Омск, Челябинск, Ленинград.*

Советская экономика, будучи по природе своей плановой, в годы Великой Отечественной войны приобрела особый мобилизационный характер. Это стало единственно возможно формой экономики в условиях, когда стал вопрос о выживании государства и общества.

Исследователями выделяется два или три этапа в развитии военной экономики СССР. Первый приходился на вторую половину 1941 – первую половину 1942 гг. На этом этапе были приняты меры по налаживанию деятельности промышленных предприятий в восточных районах страны. В течение года сюда удалось эвакуировать около 2,5 тыс. промышленных предприятий.

На втором этапе, который начался со второй половины 1942 года, советская военная экономика стала действовать как хорошо отлаженный механизм. Уже к концу 1942 г. СССР выпускал больше вооружений, чем фашистская Германия. К концу войны наша страна производила самолетов, танков, артиллерийского и автоматического оружия больше, чем все другие страны, участвовавшие во Второй мировой войне, уступая лишь США по производству самолетов [1].

Но правы те исследователи, кто выделяет и третий этап военной экономики. Он начался во второй половине 1944 года, когда были приняты меры по частичной реконверсии промышленных предприятий, и продолжался до конца войны. Меры по частичному переводу экономики на мирные рельсы объяснялись тем, что в стране остро не хватало самого необходимого: производство предметов потребления в Советском Союзе находилось в годы войны на уровне нача-

ла 1920-х гг., а сельское хозяйство было в очень тяжелом состоянии, поскольку оттуда выкачивались все ресурсы. Там была катастрофическая нехватка техники и рабочих рук.

На третьем этапе развития военной экономики СССР встал вопрос и о будущем эвакуированных предприятий. С одной стороны, нужно было возрождать освобожденные районы, разрушенные войной и, соответственно, возвращать оборудование и технику, привлекать высококвалифицированные кадры и рабочие руки. С другой стороны, советское руководство не планировало возвращение всех эвакуированных предприятий на места довоенной деятельности. Да, многие организации и предприятия были возвращены, но далеко не все. Сдвиг экономики (и особенно военной экономики) на восток отвечал стратегическим интересам развития страны. Кроме того, возвращение в разрушенные войной регионы большого количества людей могло создать массу дополнительных социально-экономических проблем.

Проблема реэвакуации специалистов и оборудования в своем развитии прошла ряд этапов. Первый был связан с реэвакуацией в Москву людей и оборудования и проходил в основном зимой 1941–1942 гг. после победы в Московской битве. Позднее, до 1943 г. любая реэвакуация специалистов была приостановлена. Только в связи с частичным снятием блокады Ленинграда реэвакуация возобновилась. Начало второго этапа связано с победой под Сталинградом и дальнейшим освобождением оккупированных территорий. На этом этапе частичное возвращение предприятий и организаций производилось в западные и южные районы

СССР. Третий этап реэвакуации начинается после 9 мая 1945 г. и происходил уже в условиях мирного времени. В 1948 г. бывшие эвакуированные были сняты с учета и оставлены на постоянное место жительства на востоке страны [2].

В процессе реэвакуации возникали определенные социально-экономические трудности, что оказывало влияние на сроки возвращения людей. Так, по просьбе местных органов власти Ленинграда Государственный комитет обороны 3 сентября 1944 г. принял постановление об ограничении реэвакуации в «северную столицу». Все выданные ранее разрешения на въезд были отменены. В 1945 г. темпы реэвакуации вновь возросли, и власти принимали меры, чтобы ограничить поток возвращающихся в Ленинград [3].

Вместе с тем рабочие предприятий, перебазированных на восток страны, не думали оставаться в городах Урала и Сибири. Они хотели вернуться в родные города (особенно ленинградцы), тем более, что социально-бытовые условия эвакуированных в уральских и сибирских городах были очень тяжелыми.

По мере движения фронта на запад и освобождения оккупированных фашистами городов рабочие все чаще ставили вопрос о возвращении в родные места. Но это создавало для руководства страны огромные проблемы, поэтому долгое время на эти обращения власти не реагировали. А существующие военные условия организации производства и угроза уголовного преследования со стороны властей какое-то время сдерживали рабочих. Но после Победы над Германией в 1945 г. ситуация начинает обостряться.

В этой связи очень характерной была ситуация в Омске. В годы войны город принял большое количество эвакуированных предприятий. Рабочие заводов терпели все бедствия ради достижения Победы, но после окончания войны их настроения стали меняться. Все чаще они понимали вопиющую несправедливость того, что их социально-бытовое положение не улучшается. Более того им не разрешали вернуться в родные города, в которые у некоторых работников уже уехали семьи [4; 5; 6].

Особенно острой реакция рабочих была на танковом заводе № 174, где имели место факты коллективного отказа рабочих от работы свыше 8 часов, самовольного оставления предприятия (несмотря на уголовную ответственность за это). Одновременно с этим рабочие и инженерно-технические работники стали проявлять недовольство тяжелыми жилищно-бытовыми условиями и требовать возвращения в родные города [7; 8].

Омский завод не был каким-то исключением. Уже с середины мая 1945 г. в ЦК ВКП (б) регулярно поступали сообщения из обкомов, что рабочие самовольно покидают предприятия «*по мотивам окончания войны*». Органы госбезопасности перлюстрировали письма, составляли сводки для руководства страны и знали об этих настроениях. Рабочие писали родственникам и друзьям о низких зарплатах (не более 400 руб., а многие получали еще меньше), отсутствии одежды, обуви, бегстве в родные места [9]. Стоит напомнить, что на предприятиях оборонного значения, химической промышленности, железнодорожного и речного транспорта в годы войны и первое время после нее паспорта рабочих хранились в отделах кадров. Работникам же вместо паспортов выдавались специальные удостоверения. Делалось это, прежде всего, для того, чтобы снизить текучесть кадров и не допустить ухода с предприятия. Но люди все равно пытались бежать.

Военной цензурой НКГБ СССР в августе 1945 г. было зарегистрировано 135 писем с жалобами рабочих заводов гор. Омска на материально-бытовые условия и сообщениями о дезертирстве. В письмах от рабочих завода № 174, имеют место высказывания недовольства в связи с запрещением обратного выезда в Ленинград.

Вот некоторые выдержки из этих перлюстрированных писем (здесь и далее сохранены авторская орфография и пунктуация. – С.С.):

«15.VIII–45 г.: Живем неважно, в Ленинград нас не везут и не отпускают. Вася работает 12 часов, а получать нечего, все высчитывают, на руки получишь 400 руб. в месяц – это хорошо. Условий рабочим никаких не создают, только заставляют работать. Ленинградские рабочие убегают с завода, едут в Ленинград кто как сумеет, но нам, конечно, придется остаться здесь, потому что, если убежать, нужны деньги, а у нас их нет, притом же все раздеты и разуты. Мы даже не имеем смены». (Минаев В., гор. Омск-Ленинск, пос. Буденного, улица Гоголя, № 74).

14.VIII–45 г. «Условия жизни на заводе жуткие, люди бегут с завода пачками, особенно ленинградцы. За последнее время убежало около 400 человек. Приказ наркома Малышева: всех беженцев направлять снова в Омск на завод № 174 и судить их. Ждем, что будет дальше. Неужели правительство примет сторону деспота Задорожного, неужели не обратят внимание на то, что он создал такие скотские условия для своих рабочих?» (Юсупова А.И., гор. Омск-Сталинский, пос. селок, ул. Горького № 52).

18.VIII–45 г. «Вы пишете, что можно уйти с завода. Нас так зажали, что сейчас об этом и думать нельзя. В последнее время много ребят сбежали с завода в Ленинград, но еще неизвестно, чем это закончится, т.к. есть указание Верховного прокурора о возвращении всех бежавших в Омск для предания суду. Несмотря на это, я все равно решил бы бежать, если бы было куда. Мечтаю сбежать куда-нибудь, где потеплее, и если доживу до весны, то обязательно сбегу. Надежды на то, что я дотяну до весны, очень мало. Живу опять в цеху, спать приходится 3–4 часа в сутки на железном стеллаже, в отношении одежды тоже дело швах. Все мое обмундирование состоит из ремня, грязного комбинезона и рваных ботинок, которые валяются с ног. Надвигается зима, нет ничего теплого, да и вообще не во что даже переодеться после работы. На заводе платят очень скверно и ордеров никаких не дают, так как я в крупных неладах с начальством». (Стамбулов А.В., гор. Омск-Ленинск, завод № 174, цех 15).

16.VIII–45 г. «Кончилась война, а улучшения никакого нет, работаем 12 часов, питание неважное, насчет отъезда в Ленинград директор завода сказал: «Забудьте думать, как работали, так и работать будем. Из нашего завода бегут каждый день, но я не могу решиться, наверно придется подохнуть на этой проклятой работе и на этом заводе». (Глазко М.А., гор. Омск-Ленинск, завод № 174, цех 12).

15.VIII–45 г. «Если меня не отпустят, то тоже поеду беглым путем, мне при таких условиях надоело жить. Талонов на промтовары не дают никаких, весь оборвался, заработок мал, что же дальше делать – приходится бежать, а одному жить дальше нет никаких сил, здоровье плохое, питание тоже плохое, получаю в месяц 200 руб., что это за жизнь? К родной семье и то не пускают, на фронте искалечили, а на заводе совсем хотят угробить, чтобы семьи не видел». (Никитин В.П., гор. Омск, Молотовский р-н, ул. 3-я Линия № 114).

17.VIII–45 г. «В столовой кормят на «убой» – одна рыба да сушеная картошка, так что на пайке далеко не уедешь. Ребят много убежало домой и бегут без конца». (Анисимов, гор. Омск, завод № 29, цех 8).

7.VIII–45 г. «Из-за отвратительных условий, рабочие разбегаются самовольно. Будем ждать до осени, может что переменится. Все рабочие за время войны пообносились, а снабжения нет никакого, поэтому у некоторых терпение лопается, и они превращаются в дезертиров». (Сидоров, гор. Омск, Куйбышевский пос, ул. Марьяновская, № 23).

10.VIII–45 г. «В Омске остается два ленинградских завода, на них сейчас творится хаос: рабочие два дня не выходили на работу и бегут, кто как может. У нас все рабочие думают, как бы уехать». (Макаров К., гор. Омск, п/о 8, Сибаци № 63, кв. 7).

16.VIII–45 г. «Завод закрепляют здесь, в Сибири, все бегут, как могут. Уже сбежало 800 человек. Приехала из Москвы комиссия и не могут понять, в чем дело. Мы все твердим, что в Сибири не останемся, везите нас в Ленинград, а то все сбежим». (Новикова З.Г., гор. Омск-Ленинск, завод № 174, цех 9).

23.VIII–45 г. «В Омске одинокие рабочие стали бежать с завода, а нам, семейным, придется здесь подыхать. Заработки плохие и больше нечем заняться. Вот как хочешь, так и живи на свете. Рабочие все свои силы отдали на разгром врага и хотели вернуться в родные края к своим родным, в свои квартиры, а теперь вышло то, что нас обманули, вывезли из Ленинграда и хотят оставить в Сибири. Если только так получится, тогда мы все рабочие, должны сказать, что наше правительство продало нас и наш труд. Пусть они подумают с каким настроением остались рабочие. У одиноких одно – бежать». (Крылова, гор. Омск, Омская ул., № 106) [9].

На нескольких оборонных заводах Урала и Сибири в течение июля – сентября 1945 г. были отмечены волнения рабочих. В ответ на это 4 августа 1945 г. Секретариата ЦК ВКП (б) принял постановление «*О мероприятиях по улучшению массово-политической работы и материально-бытового обслуживания рабочих заводов № 22, 174 и 179*». В постановлении упоминались заводы Казани, Омска и Новосибирска.

В соответствии с постановлением на омский завод № 174 были командированы представители ряда министерств и профсоюзов. Итогом работы комиссии в Омске стала записка для ЦК ВКП (б). В ней отмечалось, что на заводе № 174 из общего количества работающих 12385 человек 96 % эвакуированных и мобилизованных из Ленинграда, Ворошиловграда, Сталинграда и других городов. Значительная часть этих работников «стремится вернуться к своим семьям, сохранить свои дома, имущество, сменить климатические условия по состоянию здоровья» [10].

Приводимые факты рисуют весьма мрачную картину бытовых условий рабочих. 8594 работающих с семьями были расселены в частных домах, в порядке уплотнения. Около 3 тыс. рабочих жило в общежитиях и землянках на двухъярусных койках, где на одного человека приходится

1,52 кв. м жилой площади. Строительство жилых домов проводилось *«исключительно плохо»*. За 1943–1945 гг. вместо 24 тыс. кв. м жилой площади было построено только 9 тыс. кв. м [10. С. 274].

Дома и общежития были не благоустроены и не приспособлены к зимним сибирским условиям. В рабочих поселках многие дома не имели электричества и воду. Зимой 1945 г. общежития и дома отапливались с большими перебоями. Рабочие вынуждены были покупать топливо по спекулятивным ценам на рынке. Неудовлетворительно было поставлено и медицинское обслуживание.

Рабочие и их семьи испытывали *«исключительно острую нужду в одежде, обуви и белье»*. За 1945 г. на одного работающего в среднем было выдано швейных изделий 0,38 шт. и обуви 0,7 шт. Из-за отсутствия обуви и одежды в 1945 г. не посещали школу около 1300 детей. Невозможно равнодушно читать те места записки, где говорится об отсутствии у рабочих, ковавших оборонный щит страны, самых элементарных вещей. *«Некоторые рабочие обносились до того, что не могут показаться в общественных местах. У семейных рабочих нет обеденной и кухонной посуды, ложек, чашек, кружек, не хватает кровати, стульев, умывальников и другого самого необходимого инвентаря. Продовольственные карточки отовариваются с большим опозданием и в большей части заменителями. Рабочие почти не получают мыло, соль и керосин»* [10. С. 274].

Неудовлетворительное снабжение рабочих и служащих вынуждало их приобретать вещи и продукты на рынке. При высоких удержаниях из зарплаты (вычитались не только налоги, но нередко и «добровольно-принудительные» займы. – С.С.), рабочим порой не хватало их заработка для оплаты питания в столовой, жилья, приобретения хлеба. Такая ситуация была совершенно ненормальной.

Резкой критике комиссией были подвергнуты и руководители завода, которые не принимали мер для улучшения бытовых условий работающих. Крайнее недовольство рабочих вызывал директор К. А. Задорожный. При недостатке одежды для рабочих директор и его сподручные проявляли «излишества». Например, в 1944–1945 гг. директор взял себе 255 метров шелка и шерсти, 79 предметов белья и обуви, его заместители вели себя не лучше. Таким поведением К. А. Задорожный и его окружение подорвали свой авторитет [10. С. 275]. Рабочие говорили: *«Мы живем в концлагере им. Задорожного»*.

Для оказания помощи заводу были приняты следующие меры: выдача ссуд рабочим и служа-

щим; ремонт их квартир; увеличение строительства жилья и других социальных объектов; передача для расселения рабочих двух школ и клуба. Одновременно с этим Наркомтанкопром, Омский обком и горком партии приняли меры по улучшению жилищно-бытовых условий рабочих и усилению партийно-политической работы на заводе [10. С. 275–276; 8].

Сходная ситуация была и на Урале. Изучавший процессы эвакуации и реэвакуации в Челябинской области А. В. Чуриков пишет о тяжелом положении эвакуированных рабочих, нарушении норм безопасности, сложнейших социально-бытовых условиях. «Рабочим эвакуированных предприятий приходилось трудиться в помещениях, построенных в условиях дефицита строительных материалов. Большая часть эвакуированных предприятий размещалась в зданиях гаражей, школ, больниц, бывших храмов, домах пионеров и так далее. Производственное окружение, в котором трудились рабочие и инженеры, негативно влияло на степень их трудоспособности.

Повсеместно – как на эвакуированных, так и на местных предприятиях – наблюдались массовые нарушения техники безопасности. Плохое обеспечение специальной одеждой и специальной обувью усугубляли ситуацию. Именно на эвакуированных предприятиях становились будничными явлениями несчастные случаи, порой со смертельным исходом. Руководство предприятий, заинтересованное в выпуске продукции любой ценой, пренебрегало элементарными нуждами трудящихся. Зачастую рабочие трудились босиком, недостаточно обеспечивались средствами индивидуальной защиты» [2. С. 19].

В руководстве страны понимали, что принимаемые меры не решают коренных вопросов улучшения материально-бытового положения трудящихся заводов Урала и Сибири и не устраняют настроений о возвращении к местам прежнего жительства эвакуированных и мобилизованных. На обсуждение в Оргбюро ЦК ВКП (б) были внесены предложения по закреплению кадров и улучшению их материально-бытового обслуживания. Особо выделялись следующие вопросы: об усилении жилищного и культурно-бытового строительства; о преимущественном снабжении промтоварами и продуктами питания; об установлении повышенных ставок зарплаты и процентных надбавок за выслугу лет; о предоставлении дополнительных отпусков; об увеличении сети культурно-просветительных учреждений; о развертывании сети ремесленных училищ и школ ФЗО; об установлении порядка возвращения эвакуированных

рабочих и инженерно-технических работников на прежнее местожительство. Тем не менее, на протяжении первых послевоенных лет социально-бытовые условия рабочих эвакуированных заводов Омска оставались очень тяжелыми.

Самые проблемные кварталы (Сталинский, Куйбышевский и Буденовский поселки), где жили эвакуированные рабочие военных заводов, оставались неблагоустроенной зоной и позднее. Так, даже в апреле 1950 г. в рабочем поселке им. Куйбышева не было бани, клуба, библиотеки, кино. На многих улицах у жителей по-прежнему отсутствовало электричество и радио. Несмотря на завершение строительства водопровода, не хватало и воды, поскольку не были построены разводящие сети. В Сталинском поселке отсутствие электричества и радио дополнялось и такой проблемой как весеннее подтопление [11].

Проблема реэвакуации мобилизованных рабочих в родные места затронуло множество городов. Новосибирский обком партии, например, специально обсуждал вопрос «О настроениях трудящихся в связи с окончанием войны». «Вы требовали хорошо работать для помощи фронту, – объясняли свою позицию рабочие, – сейчас же война окончилась, а вы опять требуете напряженной работы». Мастер цеха комбината № 179 Новосибирска, выпускавшего снаряды, на вопрос начальника цеха, почему был сорван производственный график, спокойно ответил: «Раньше я мобилизовывал свой коллектив на освобождение нашей земли, а теперь Германия разбита и нечего портить металл на снаряды» [12. С. 41].

Подобная ситуация с реэвакуацией складывалась и на Урале. Тяжелые производственные и бытовые условия, отсутствие родственных связей стимулировали у эвакуированных желание поскорее вернуться в родные места. Освобождение советских территорий от оккупантов подогревало это стремление. Но правительство и местные органы власти не были заинтересованы в оттоке большого количества квалифицированных кадров. Руководителям тыловых предприятий рекомендовалось приложить все усилия для закрепления бывших эвакуированных в уральском тылу. На Кировском заводе летом 1945 г. сложилась критическая ситуация: рабочие стали требовать разрешения вернуться домой. Тогда на заводе работало более 6 тыс. ленинградцев, 4,5 тыс. харьковчан, 2 тыс. сталинградцев, 11 тыс. мобилизованных из армии и около 4 тыс. выпускников ремесленных училищ. Настроены вернуться в родные места были около 30 тыс. рабочих, а всего на заводе работали 40 тыс. чел. Администра-

ция не могла допустить такого массового оттока рабочих с завода. В ход пошли угрозы и уговоры [12. С. 43].

У эвакуированных рабочих существовало несколько способов легального возвращения в родные места: в составе командированных в помощь освобожденным районам, по вызовам министерств, предприятий, центральных правительственных и партийных органов, в составе реэвакуированного предприятия. Но большая часть заводов не подлежала реэвакуации, и рабочие и инженерно-технические работники были вынуждены, часто вопреки их желанию, оставаться на Урале [2, с.21].

Рабочие, не смирившиеся со своей участью, часто прибегали к крайним мерам, «дезертировали» с эвакуированных заводов и окольными путями добирались домой. Выше уже назывались цифры из перлюстрированных писем рабочих Омска. Там речь шла о сотнях бежавших, но, вероятно, эти цифры занижены. В Челябинске, по свидетельству магнитогорского историка А. В. Чурикова, речь шла о тысячах беглецов. Так, на Челябинском металлургическом комбинате за 1945 г. и в первое полугодие 1946 г. «дезертировали» 1455 чел. «Дезертирство» с Кировского завода представляло собой следующую картину: в 1944 г. бежало 6675 чел., в 1945 г. – 2060 чел., в 1946 г. – 3957 чел. Дальнейшая судьба этих рабочих неизвестна [13].

Как свидетельствует историк Е. К. Зубкова, «дезертирство» с предприятий мобилизованных рабочих действительно превратилось в массовое явление. С мая по август 1945 г. в 2,5 раза увеличились случаи «дезертирства» на заводах Горьковской области, о таком же положении дел на предприятиях сообщали обкомы Сибири, Поволжья, Краснодарского края. Рабочих не пугали даже меры наказания за нарушение трудовой дисциплины, тем более, что 7 июля 1945 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР об амнистии в связи с победой над Германией, который был расценен как некая гарантия от слишком сурового штрафа за самовольный уход с предприятия. Кроме того, этот указ воспринимался как еще одно подтверждение, что период войны закончился и пора жить по законам мирного времени. В местные административные органы, но чаще в наркоматы, ЦК ВКП (б), Президиум Верховного Совета СССР шли письма, коллективные и индивидуальные, с одной просьбой – разрешить вернуться в родные места [12. С. 41].

В этой связи возникает вопрос: а можно ли и сегодня считать такое массовое бегство рабочих

«дезертирством» в условиях, когда война уже была закончена, а власти насильно держали их на Урале и Сибири в столь жутких условиях? Этот термин действительно употреблялся властями в отношении бежавших рабочих, но сегодня, как мне кажется, должен употребляться в кавычках и с определенной осторожностью. В особенности в отношении тех, кто вынес на своих плечах тяжелейший труд и лишения в годы войны и уехал на малую родину после 9 мая 1945 г.

Таким образом, проблема реэвакуации была одной из острых социальных проблем на протяжении первых послевоенных лет. Социально-бытовые условия рабочих эвакуированных заводов в большинстве своем оставались очень тяжелыми. Желание вернуться в родные края, в более благоприятные и привычные условия нередко толкали рабочих на бегство с предприятий, несмотря на существующую уголовную ответственность и бюрократические преграды. Советское руководство под влиянием волнений рабочих принимало определенные меры для улучшения их социально-бытового положения в местах эвакуации, но препятствовало их возвращению в родные места и, зачастую, стремилось закрепить их на востоке страны. Вместе с тем эти меры не давали большого эффекта: многие рабочие стремились поки-

нуть города Сибири и Урала. В первую очередь это касалось бывших жителей Москвы и Ленинграда, но также и ряда других городов Европейской части России и Украины.

Массовое бегство рабочих в родные города свидетельствовало о бессилии власти решать вопрос закрепления кадров в мобилизационной экономике только административно-командными методами. Если в условиях войны рабочие готовы были терпеть многое, надеясь, что ситуация изменится к лучшему после Победы, то после окончания войны отрыв от родных мест в условиях тяжелейших социально-бытового положения рассматривался ими как явная несправедливость, которую терпеть нельзя. Переводя на политико-правовой язык эту ситуацию, они отказывались считать легитимными действия властей, заставлявших их оставаться в Сибири и на Урале после войны.

По мере подготовки местных кадров рабочих, предприятия Урала и Сибири частично решали вопрос воспроизводства кадрового потенциала эвакуированных оборонных заводов, тем не менее, вопрос сохранения и воспроизводства высококвалифицированных специалистов оставался острым многие годы [14].

Список литературы

1. Чадаев, Я. Е. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / Я. Е. Чадаев. – М., 1985. – URL: http://www.nnre.ru/istorija/yekonomika_ssr_v_gody_velikoi_otechestvennoi_voiny_1941_1945_gg/p4.php. – Дата обращения: 10.01.2016.
2. Чуриков, А. В. Организационно-производственные и социальные проблемы эвакуации и реэвакуации тяжелой промышленности в Челябинской области (1941–1946 гг.): автореф. ... дис. канд. ист. наук / А. В. Чуриков. – Челябинск, 2011. – С. 20–21.
3. Санкт-Петербург. Петроград. Ленинград: Энциклопедический справочник. – М., 1992. – URL: http://enc-dic.com/enc_spb/Rejevakuacija-194445-1334.html. – Дата обращения: 12.01.2016.
4. Сизов, С. г. Социально-бытовые условия жизни омичей в годы первых послевоенных пятилеток (1945–1953) / С. г. Сизов // Вестн. Югор. гос. ун-та. – 2011. – № 1 (20). – С. 55–62.
5. Сизов, С. г. Повседневная жизнь Омска в годы «послевоенного сталинизма» (1946 – март 1953 гг.). Часть 1 / С. г. Сизов // Омск. научный вестник. – Сизов, С. г. Повседневная жизнь Омска в годы «послевоенного сталинизма» (1946 – март 1953 гг.). Часть 2 / С. г. Сизов // Омск. науч. вестн. – Сизов, С. г. Социально-бытовые условия рабочих омского танкового завода в первые послевоенные годы и проблема реэвакуации / С. г. Сизов // Креативные подходы в образовательной, научной и производственной деятельности: Юбилейный междунар. конгресс, посвящ. 80-летию академии. – Омск, 2010. – Кн. 2. – С. 133–137.
6. Сизов, С. г. Омск в годы «послевоенного сталинизма» (1946 – март 1953 гг.): монография / С. г. Сизов. – Омск, 2012. – С. 32–42.
7. Информация Наркомата государственной безопасности СССР о положении заводов г. Омска (по материалам перлюстрации частной переписки) // Советская жизнь. 1945–1953. – М., 2003. – С. 276–279.
8. Записка заведующего отделом Управления кадров ЦК ВКП (б) Бородина г. М. Маленкову о положении рабочих на заводе № 174 // Советская жизнь. 1945–1953. – С. 273–276.

9. Вопрос остается открытым (По письмам в редакцию) // Омск. правда. – 1950. – № 83. – 25 апреля. – С. 3.

10. Зубкова, Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945 – 1953 / Е. Ю. Зубкова. – М., 1999.

11. Чуриков, А. В. Трудовые отношения на эвакуированных предприятиях тяжелой промышленности в Челябинской области (1941–1946 гг.) / А. В. Чуриков // Вестн. Удмурт. ун-та. – 2011. – Вып. 3. – История и филология. – С. 128.

12. Сизов, С. г. Омск в годы «оттепели»: Жизнь города в контексте эпохи (Март 1953–1964 гг.) / С. г. Сизов. – Омск, 2003. – С. 23–30.

Сведения об авторе

Сизов Сергей Григорьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры «Общая экономика и право», доцент, Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия, г. Омск.
sizov-omsk@yandex.ru

MOBILIZATION ECONOMY AND THE RE-EVACUATION PROBLEM: ESCAPE AND RIOTS OF EVACUATED WORKERS IN SIBERIA AND THE URALS AFTER THE WAR (1945–1946)

S. G. Sizov

Siberian State Automobile and Highway Academy. sizov-omsk@yandex.ru

The article dwells on the problem of returning to their hometowns by evacuated workers who were in Siberia and the Urals during the Great Patriotic War. Workers demanded re-evacuation, addressing to the authority. The Soviet administration sought to keep a number of defense plants in the east of the country and tried to settle workers there through administrative means. In addition, the departure of a large number of workers could make problems for the defense industry and at the same time complicate the socio-economic situation in the western regions of the country, particularly in Leningrad. In the absence of legal grounds for departure to their hometowns many of the workers dared to escape, and even organize short-term strike action. Moreover, their living conditions were very heavy.

Keywords: *mobilization economy, war economy, rear area, evacuated workers, re-evacuation, “desertion”, Siberia, the Urals, Omsk, Chelyabinsk, Leningrad.*

References

1. Chadaev Ja.E. *Jekonomika SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945 gg.)* [Economy of the USSR in days of the Great Patriotic War (1941–1945)]. Moscow, 1985. Available at: http://www.nnre.ru/istorija/yekonomika_ssr_v_gody_velikoi_otchestvennoi_voiny_1941_1945_gg/p4.php, accessed 10.01.2016. (In Russ.).

2. Churikov A.V. *Organizacionno-proizvodstvennye i social'nye problemy jevakuacii i rejevakuacii tjazhelej promyshlennosti v Cheljabinskoj oblasti (1941–1946 gg.)* [Organizational and production and social problems of evacuation and re-evacuation of the heavy industry in Chelyabinsk region (1941–1946)]. Chelyabinsk, 2011. Pp. 20–21. (In Russ.).

3. Belova L.N., Buldakov G.N., Degtjarev A.Ja. (eds.) *Sankt-Peterburg. Petrograd. Leningrad: Jenciklopedicheskij spravocnik* [St. Petersburg. Petrograd. Leningrad: Encyclopedic reference book]. Moscow, 1992. Available at: http://enc-dic.com/enc_spb/Rejevakuacija-194445-1334.html, accessed 12.01.2016. (In Russ.).

4. Sizov S.G. *Social'no-bytovye uslovija zhizni omichej v gody pervyh poslevoennyh pjatiletok (1945–1953)* [Social living conditions of residents of Omsk in days of the first post-war five-years periods

(1945–1953)]. *Vestnik Jugorskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Messenger Yugorskogo state university], 2011, no. 1 (20), pp. 55–62. (In Russ.).

5. Sizov S.G. Povsednevnaia zhizn' Omska v gody «poslevoennogo stalinizma» (1946 – mart 1953 gg.). Chast' 1 [Everyday life of Omsk in days of “post-war Stalinism” (1946 – March, 1953). Part 1]. *Omskij nauchnyj vestnik* [Omsk scientific bulletin], 2011, no. 5 (101), pp. 11–15. (In Russ.).

6. Sizov S.G. Povsednevnaia zhizn' Omska v gody «poslevoennogo stalinizma» (1946 – mart 1953 gg.). Chast' 2 [Everyday life of Omsk in days of “post-war Stalinism” (1946 – March, 1953). Part 2]. *Omskij nauchnyj vestnik* [Omsk scientific bulletin], 2011, no. 6 (102), pp. 8–11. (In Russ.).

7. Sizov S.G. Social'no-bytovye uslovija rabochih omskogo tankovogo zavoda v pervye poslevoennye gody i problema rejevakuacii [Social conditions of workers of Omsk tank plant in the first post-war years and a re-evacuation problem]. *Kreativnye podhody v obrazovatel'noj, nauchnoj i proizvodstvennoj dejatel'nosti* [Creative approaches in an educational, scientific and production activity:], book 2. Omsk, 2010. Pp. 133–137. (In Russ.).

8. Sizov S.G. *Omsk v gody «poslevoennogo stalinizma»* (1946 – mart 1953 gg.) [Omsk in days of “post-war Stalinism” (1946 – March, 1953)]. Omsk, 2012. Pp. 32–42. (In Russ.).

9. Informacija Narkomata gosudarstvennoj bezopasnosti SSSR o polozhenii zavodov g. Omska (po materialam perljustracii chastnoj perepiski) [Narkomat's information of state security of the USSR on position of plants of Omsk (on materials of perlustration of private correspondence)]. *Sovetskaja zhizn'. 1945–1953* [The Soviet life. 1945–1953]. Moscow, 2003. Pp. 276–279. (In Russ.).

10. Zapiska zavedujushhego otdelom Upravlenija kadrov CK VKP(b) Borodina G.M. Malenkovu o polozhenii rabochih na zavode № 174 [A note of the head of department of Management of shots of the Central Committee of All-Union Communist Party (bolsheviks) of Borodino to G.M. Malenkov about position of workers at plant № 174]. *Sovetskaja zhizn'. 1945–1953* [The Soviet life. 1945–1953]. Moscow, 2003. Pp. 273–276. (In Russ.).

11. Vopros ostajotsja otkrytym (Po pis'mam v redakciju) [The question remains open (According to letters in edition)]. *Omskaja Pravda* [The Omsk truth], 1950, no. 83, p. 3. (In Russ.).

12. Zubkova E.Ju. *Poslevoennoe sovetskoe obshhestvo: politika i povsednevnost'. 1945–1953* [Post-war Soviet society: policy and daily occurrence. 1945–1953]. Moscow, 1999. (In Russ.).

13. Churikov A.V. Trudovye otnoshenija na jevakuirovannyh predpriyatijah tjazhjolaj promyshlennosti v Cheljabinskoj oblasti (1941–1946 gg.) [The labor relations at the evacuated enterprises of the heavy industry in Chelyabinsk region (1941–1946)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istorija i filologija* [The Bulletin of the Udmurt university. History and philology], 2011, iss. 3, p. 128. (In Russ.).

14. Sizov S.G. *Omsk v gody «ottepeli»: Zhizn' goroda v kontekste jepohi (Mart 1953–1964 gg.)* [Omsk in days of “thaw”: City life in the context of an era (March, 1953–1964)]. Omsk, 2003. Pp. 23–30. (In Russ.).